

Люди искусства

...А СЧАСТЬЕ ЛЕГКИМ НЕ БЫВАЕТ

— ТЫ ВИДЕЛА, как цветок тянется к солнцу? Всем своим существом. Будто на цыпочки станется... Вот так и твоя героиня — к счастью. Нелегко это, знаю, но истинное счастье легким не бывает.

Эту репетицию и слова режиссера Зулай Багалова запомнила на всю жизнь. Они поразили ее в ту минуту, как откровение, хотя сама актриса успела испытать, что значит подняться над собой, победить слабость, переступить через привычные, веками освященные представления.

...Театр готовился показать зрителям «Горянку» по поэме Р. Гамзатова. В это время в Чечено-Ингушском театре имени Х. Нуррадилова появилась новая актриса, почти девочка, хрупкая, с грустным лицом и выразительными глазами. Ее пригласили из студенческой самодеятельности, и путь ее в искусство начинался судьбой, удивительно похожей на ее собственную. Над головой Зулейки гурачились тучи. Негодовали старики: горская девушка — и вдруг актриса. Ей не давали спокойно жить, учиться. Она вынуждена была уйти из дому. Удивительные люди — Минай Германович Минаев и Лидия Сергеевна Горькая, умные режиссеры, тонкие педагоги — трогательно опекали свою юную воспитанницу. Ее самоотверженно прятали от всех бед в своем доме Асет Ташухаджиева и Майя Шовхалова. Зулейка Багалова осталась в театре, но мысль, что она в долгу перед людьми, всегда жила с ней.

Однажды в порыве откровенности Зулай с горячностью признавалась: «Пишут-то о трудностях моей человеческой биографии... А мне бы так хотелось знать, какая я актриса. Увидеть бы себя со стороны чужими глазами...».

Она права. Трудности житейские — проверка на мужество, экзамен на человеческую выдержку, гражданскую зрелость. Но можно быть волевым и, увя, бесталанным, творчески беспомощным человеком. И прийти в театр — еще не значит стать актрисой.

В театр приходили многие. Даже, бывало, играли несколько ролей, иногда и заглавных, интересных, запоминающихся. Но как часто все этим и кончалось. Уходили искать свое призвание в других местах. А театр... Он для одноплюбов. Ценит мужество преданности и самопожертвования и не прощает коварства и предательства. Багалова предана театру до самозабвения.

СЕГОДНЯ Зулай Багалова — заслуженная артистка Чечено-Ингушской АССР. Это признание. Но путь к этому признанию не был усыпан только розами. Ее первая роль — юная Асет из драматической поэмы Расула Гамзатова «Горянка» не была еще, строго говоря, творческой работой. Шестнадцатилетней актрисе не приходилось ничего играть, подумывать, перевоплощаться. Судьба Асет была удивительно похожа на ее судьбу: так, что девушка жила на сцене жизнью собственного сердца, рассказывала о собственных горестях и печалях с неподкупной искренностью и непосредственностью.

Ее молодость была так наивна, хрупка и доверчива, что не могла не трогать. Она покорила сердца зрителей, и ее комната всегда была похожа на цветник. Хрупкость, чистота, наивная доверчивость стали ключом ко многим сыгранным ею характерам, объяснением многих удивительных судеб, прожитых на сцене Зулай Багаловой, любимых героинь Санда Бадуева Петимат и Бусаны, нежной Асель Чингиза Айтметова («Тополек мой в красной косынке»), жемановской Бэлы, даже перны хвастливого и заважничавшего Бож-Али... Но бывали минуты, когда какая-то сцена «взрывала» привычное течение роли неожиданной вспышкой: пробивался такой

буйный темперамент, что приходилось задумываться, не утаила ли от нас актриса что-то более значительное, чем нежная грация и душевная поэтичность.

Спектакль «Петимат» мне пришлось видеть на сцене театра не однажды. Но запомнился именно этот. Сцена прощания Петимат с отцом до сих пор перед глазами. До сих пор звучит полное отчаяния: «Дада!». В этом одном крике, вырвавшемся в минуту горькую, было и ощущение неотвратимости, несчастья, и страх грядущего сиротства, и предчувствие новых бед.

Такие неожиданности позволяют предполагать в актрисе нераскрывшиеся возможности. Им нельзя дать погибнуть, раствориться в волне штампов, которые неизбежно одолевают, если изо дня в день играешь одно и то же. И режиссеры стремятся воспитывать талант актрисы на ролях иного плана, чем ей приходилось играть прежде. Происходит это не без какого-то сопротивления с ее стороны. И в связи с этим случаются забавные курьезы.

Ставили «Кровавую свадьбу» Гарсия Лорки — пьесу, в которой сыграть даже эпизод — великое счастье. Зулай получила роль Жены Леонардо. И... смертельно обиделась: «Не мое это». (Теперь и самой смешно! Но тогда было не до смеха). Она много думает над каждой ролью, готовится к каждой встрече с режиссером. А тут все застопорилось. Репетиции шли со скрипом: сказывалось и внутреннее сопротивление, и растерянность, и обида. Премьера прошла с большим успехом. О спектакле написано и сказано много заслуженно восторженных слов. Это был спектакль откровений, триумф счастливых дебютов. Один из них — работа Зулай Багаловой.

Актриса принесла на сцену в немногословной роли драматизм отчаяния человека, у которого почва ускользает из-под ног. Ее героиня словно натянутая струна, так все напряжено до предела. В ней болит поправная гордость, униженное самолюбие, оскорбленное женское достоинство. И, как раненая птица, не уступающая смерти, пытается в последний раз подняться на крыльях в небо, так Жена Леонардо старается держаться достойно, будто мир не рухнул ей на плечи, а небо не прижало ее к земле.

Сегодня она мечтает о трагедии, о героине душевно зрелой, характере значительном. Но увя. В репертуаре театра, славившегося всегда почитаемой женщиной, давно нет спектакля с заглавной женской ролью. Втайне З. Багалова подумывает о Катерине Островского. И надо сказать, что мечта эта не столь праздна, как может показаться на первый взгляд. Есть и в русской классике, и в зарубежной пьесе, словно бы созданные специально для национального репертуара. «Гроза» — из их числа.

А то приходит ей фантазия сыграть нечто совсем иное... Этакую простушечку. И актриса копит исподволь для этой роли наблюдения: замечает «свою героиню» — в зрительном зале, на улице, на рынке... Возможно, мечте этой суждено сбыться и очень скоро: в мольтеровском «Мнимом больном» Зулай предстоит выйти на сцену в образе, работа над которым может стать событием и в спектакле, и в творческой биографии исполнительницы. Это служанка. Существо непосредственное, живое и лукавое, искрящееся женственностью и неистощимым жизнелюбием.

НА ВОПРОС, какая работа для нее самая любимая, Зулай отвечает: «всё». И уточняет: «где есть, что играть». В этом есть своя внутренняя правда, потому что у истоков каждой роли — всегда творчество, всегда серьезные размышления, по-

иски. Это потом что-то удаётся, что-то нет. Но дороги они все, даже те, которые потом остаются незамеченными. Среди удавшихся актрисе не главных героинь можно назвать трогательную и чистую в минуты трагические Христину («Драматическая песня»), властную, волевою Инфанту («Сид») и наших современниц — маленькую, мужественную Камету («Бессмертные») и Зулай из «Бож-Али»: нежную, преданную и тоже по-своему мужественную. И вот уже более пятнадцати лет выходит она на сцену театра имени Х. Нуррадилова с убеждением, что ее творческая судьба начинается именно в эту минуту, когда начинается сценическая жизнь ее героини. Будь то премьера или сотое представление, — все словно заново, словно в первый раз. И это не кокетство.

Вспоминается эпизод во время московских гастролей театра. Все дни были заполнены делами, расписаны по минутам. Днем — репетиции, съемки на телевидении, выступления в павильоне «Советская культура» на Выставке достижений народного хозяйства. Вечером — спектакли. Свободные часы выдавались редко. Но когда такие счастливые моменты наступали, ими стремились воспользоваться: поехать в музей, на выставку, встречу с интересными людьми. В тот день намечался поход в мастерскую скульптора...

Зулай бродила по коридору театра сумрачной. В душе ее шла какая-то работа, боролась противоречивые желания. Наконец, когда все уже были в сборе, она твердо сказала: — Нет, я не пойду... Должна походить по сцене, подумать.

Гастроли проходили в Малом театре. Сцена — необъятная, не тот пятачок, к которому актеры привыкли в Грозном. Вечером она должна будет не к станку привыкать, а жить на этой сцене мыслями, чувствами, горестями своей Бусаны.

Всегда интересно знать, о чем своем, сокровенном, помимо того, что вложил автор в уста героини, хочет поведать актриса зрителям. Она рассказала мне о судьбе своей матери. Ее трагедия — вот то, что актриса всегда стремится принести на сцену в драматической роли, что помнит, играя роли светлые.

КОГДА ее избрали депутатом районного Совета — все в ней ликовало. «Вот теперь я сумею, обязательно сумею вернуть свой долг людям». Ей казалось, что только тогда она сможет жить спокойно, когда вызовет кого-то из невероятной беды, спасет, научит, как поступить, устроить более счастливого чью-то судьбу. Она готова была сделать все, что в ее силах, даже больше... Депутату едва исполнилось тогда двадцать.

К счастью, неустроенного судьбой бывает не так уж много. Это завоевание нашего строя, нашего образа жизни. Но Багалова относилась к каждой своей обязанности с большой ответственностью, хотя работа ее складывалась часто из слишком будничных и не очень заметных дел.

Заседания, проверка жалоб и заявлений, работа над новыми ролями, семья, конспекты, экзамены. (Зулай заканчивала ГИТИС). Суток явно не хватало. А еще письма... Пишут ей много. И не всегда только ласковые. Не хотят ревнители старины смириться с тем, что живет горская женщина не униженно, а гордо и самостоятельно.

Все ли ей самой дается легко и просто? Чаще всего нет. Когда вспоминает слова своего учителя о цветке, который тянется к солнцу, и о счастье, которое легким не бывает.

Л. КАЛИТА.

Фото Е. МЕГРАБОВА.